

DOI: 10.22363/2313-1683-2023-20-4-675-696

EDN: UZTYXS

УДК 316.647.5

Исследовательская статья

Как стать россиянином? Содержание национальной идентичности, определяющее социальные маркеры принятия иммигрантов в России

Д.С. Григорьев , А.А. Галлямова , Е.Ш. Комягинская Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20 dgrigoryev@hse.ru

Аннотация. Аккультурационные ожидания принимающего общества являются неотъемлемой, важной частью процесса взаимной аккультурации и последующей адаптации вследствие межкультурного контакта. Рассматривается один из новых подходов к аккультурации принимающего общества – концепция социальных маркеров принятия, которая анализирует социально сконструированные критерии, указывающие на включение иммигрантов в более широкое общество. Цель исследования – понимание конкретных социальных индикаторов национальной идентичности, которые россияне считают важными для полной интеграции иммигранта в российское общество. Проанализировано, как эти маркеры связаны с общим отношением к иммигрантам и как воспринимаемый статус иммигрантов модерирует эти взаимосвязи. Проведен опрос 1009 участников, преимущественно идентифицирующих себя как русские. Результаты показали, что гражданские индикаторы национальной идентичности, особенно соблюдение законов и норм, считались наиболее важными и достижимыми для иммигрантов, а этнические индикаторы – наименее важными и достижимыми. Кроме того, обнаружены промежуточные по важности и достижимости социоэкономические и социокультурные индикаторы, которые соотносились с понятием статуса и социоэкономической адаптации, а также межкультурной компетентности и социокультурной адаптации соответственно. Наконец, воспринимаемый более высокий статус иммигрантов связан с более проницаемыми межгрупповыми границами. Показано, что население России склоняется к гражданской концептуализации национальной идентичности, предпочитая либеральное гражданство ограничительному. Оно также подчеркивает роль воспринимаемого статуса в формировании аккультурационных ожиданий принимающего населения. В качестве практических рекомендаций предлагается сосредоточить внимание на социальных и образовательных программах, которые способствуют соблюдению правовых и гражданских норм среди самих иммигрантов, прежде чем со стороны принимающего общества переходить к антидискриминационным мерам.

Ключевые слова: аккультурационные ожидания, национальная идентичность, социальные маркеры принятия, воспринимаемый статус, межгрупповые границы, межкультурные отношения, аккультурация, межэтнические отношения и конфликты

© Григорьев Д.С., Галлямова А.А., Комягинская Е.Ш., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Благодарности и финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 20-18-00268, <https://rscf.ru/project/23-18-45015/>

Введение

Транснациональная миграция – устойчивый тренд в современном глобальном мире. Россия здесь не является исключением, в последние десятилетия она стала значимым центром международной миграции, привлекая миллионы трудовых иммигрантов из разных стран. Наряду со значительным количеством иммигрантов в России наблюдается некоторый диапазон мнений (Григорьев, 2022) и ожиданий (Grigoryev, van de Vijver, 2018) принимающего населения в отношении групп иммигрантов. В этих условиях для практической реализации успешной миграционной политики, которая минимизирует межгрупповые конфликты, важно четко идентифицировать, *что конкретно считается необходимым* представителями принимающего населения в России, чтобы иммигрант мог стать в их глазах полноценным членом российского общества (Дробижева и др., 2021).

Во время адаптации в новом обществе перед иммигрантами встает два фундаментальных вопроса, касающихся, с одной стороны, сохранения собственной идентичности и атрибутов родной культуры, с другой – необходимости выстраивания отношений с членами принимающего общества (Берри, 2019). Несмотря на обычно довольно распространенную у принимающего населения поддержку *стратегии интеграции* среди иммигрантов¹ в качестве оптимальной для взаимной адаптации – неправдоподобно считать, что все члены доминирующей культурной группы придерживаются одинакового ее понимания (Grigoryev, van de Vijver, 2018). Более того, в некоторых случаях межкультурного взаимодействия может потребоваться некая форма *избирательной ассимиляции*² (Komisarof et al., 2020).

Концепция *социальных маркеров принятия* позволяет не только более детально описать аккультурационные ожидания принимающего населения, но и определить конкретные критерии³, согласно которым иммигрант может стать полноправным членом общества принимающей его страны (Leong, 2014). Данные маркеры представляют собой социально сконструированные показатели, включающие социальные нормы, языковые навыки, профессиональные компетенции, демографические факторы и любые другие значимые элементы для конкретного принимающего общества (Komisarof et al., 2020). Это все то, что коренится в жизненном опыте принимающего населения и

¹ В рамках этого ожидания доминирующая культурная группа поощряет как сохранение культурного наследия иммигрантов, так и их включение в более широкое общество (Berry et al., 2022).

² Это особенно актуально в отношении отказа от вредных культурных практик (таких как убийство чести, женское обрезание, похищение невесты и т. п.), которые в силу «социально-культурного конформизма» (то есть зависимости от культурных стандартов своей локальной группы) могут осуществляться и по сей день (Маликова, 2014).

³ При этом иногда эти критерии даже выходят за рамки аккультурации, поскольку охватывают также врожденные черты (например, требования к этническому происхождению, наличию предков на определенной территории и т. д.).

определяет прототип ингруппы, проводя психологическое различие между ней и аутгруппой, поэтому может выходить далеко за рамки формального юридического определения гражданства (Leong et al., 2020).

По задумке авторов данного подхода, рассмотрение социальных индикаторов национальной идентичности, определяющих социальные маркеры принятия, позволяет оценить инклюзивность контекста данного общества через количество индикаторов, необходимых для того, чтобы считаться его частью, и через степень того, насколько эти атрибуты должны быть интегрированы в идентичность и поведение новоприбывшего (Jassi, Safdar, 2021). Меньшее количество и/или низкая *важность* социальных индикаторов национальной идентичности в сочетании с их большей *достижимостью* создает в рамках принимающего общества более проницаемые межгрупповые границы и облегчает взаимную адаптацию культурных групп. Таким образом, изучение социальных маркеров принятия является ключом к пониманию национальной идентичности и механизма формирования символических границ между культурными группами (Komisarof, Leong, 2020).

Чаще всего социальные индикаторы национальной идентичности складываются в двухфакторную структуру с этническим и гражданским маркером (Leong et al., 2020). Такая структура связана с тем, что они тесно связаны с понятием этнической/гражданской идентичности и этнического/гражданского национализма. Для *этнического национализма* характерно понятие национальной идентичности ингруппы как этнической, что предполагает исключение и ограниченность, поскольку делается акцент на общем для ингруппы этнокультурном происхождении. Напротив, в случае *гражданского национализма* национальная идентичность – гражданская, более инклюзивная, где люди с различным этнокультурным происхождением могут быть частью нации до тех пор, пока они придерживаются ее гражданских принципов: действуют согласно общим ценностям, уважают институты и юридические права (Komisarof, Leong, 2020).

Культурный компонент этнического национализма предполагает поддержку межгрупповых идеологий отказа от культурного многообразия (ассимиляционизм, сегрегационизм или исключение), в то время как гражданский – идеологий принятия или игнорирования культурного многообразия (например, мультикультурализм, этнический дальтонизм) (Grigoryev, Berry, 2021). При этом институциональный компонент этнического и гражданского национализма затрагивает два вида получения гражданства: ограничительное и либеральное. В концепции *либерального гражданства* оно доступно для всех, кто готов участвовать в общественной жизни и принимать гражданские ценности, независимо от их этнокультурного происхождения. Для общества, где более распространен этнический национализм и преобладает важность этнической идентичности, характерно *ограничительное гражданство*, в рамках которого нормальной практикой является ограничение прав тех, кто не разделяет определенные этнокультурные черты (Smith et al., 1998). Таким образом, менее инклюзивный контекст этнического национализма для иммигрантов будет более требователен к ним по количеству и важности социальных индикаторов национальной идентичности, особенно относящихся к этническому маркеру принятия.

Однако даже в странах, где присутствуют эгалитарные формы инклюзии этнокультурных групп в широкое общество (например, мультикультурализм в Канаде), некоторые группы иммигрантов могут считаться принимающим населением более «ценными», чем другие (Montreuil, Bourhis, 2001). В результате аккультурационные ожидания в отношении «ценных» иммигрантов и общая их оценка обычно характеризуются большей толерантностью. «Ценность» иммигрантов непосредственно связана с восприятием их положительного вклада в развитие страны, запечатленного в добровольно предоставленном обществом уважением и престиже, то есть статусе (Григорьев, 2022). Это снижает количество и важность социальных индикаторов национальной идентичности для иммигрантов, поскольку принимающее население в таком случае видит в них полезных членов общества, которые напрямую или косвенно его обогащают (Jassi, Safdar, 2021).

Модель групповой позиции этнических групп утверждает, что аккультурационные ожидания принимающего населения варьируются в зависимости от воспринимаемого статуса групп. Например, ожидания интеграции выявлены для сильно отличающихся друг от друга в культурном плане этнических групп (японцы, татары, немцы), объединяющим фактором для них был лишь высокий статус в восприятии доминирующей культурной группы (Григорьев, 2022). Предыдущие исследования взаимосвязи воспринимаемого статуса аутгруппы и социальных маркеров принятия показали, что восприятие угрозы усиливается, когда принимающее население предполагает, что иммигранты занимают относительно более низкий статус, что приводит к предъявлению более строгих критериев для принятия (Komisarof et al., 2020). Такие результаты можно объяснить тем, что принимающее население обычно предпочитает сохранять социальную дистанцию с группами, которые они считают ниже себя по статусу (Grigoryev et al., 2019). Согласно теории социальной идентичности принятие в ингруппу представителей аутгруппы с более низким статусом считается нежелательным, так как это снижает положительное восприятие ингруппы (Terry et al., 2006).

Цель исследования – определение количества и содержания социальных маркеров принятия, которые россияне считают важными, чтобы стать полноценной частью российского общества. Значимость работы заключается в том, что она направлена не просто на определение аккультурационных ожиданий россиян как принимающего общества, а на определение конкретных требований к иммигрантам. Мы хотели понять, с одной стороны, социальные индикаторы национальной идентичности какой направленности (этнической или гражданской) являются более важными, а с другой – насколько они считаются достижимыми. Более того, мы проанализировали, как маркеры предсказывают отношение к иммигрантам в целом.

Восприятие россиянами изменений в экономике, культуре и повседневной жизни, привнесенных иммигрантами в целом, остается в основном негативным (Воронина, 2023). Однако Россия принимает у себя различные группы иммигрантов, которые обладают различным статусом, занимая разные групповые позиции в социальной структуре российского общества (Grigoryev et al., 2019; Григорьев, 2022). При этом сами социальные маркеры принятия дина-

мичны не только в рамках одного общества (Leong et al., 2020), но и в зависимости от черт самих иммигрантов (Komisarof et al., 2020). То есть предполагается, что одни группы иммигрантов признаются более «ценными», а количество маркеров или/и их важность для них будет меньше. Поэтому мы протестировали модерационную роль воспринимаемого статуса иммигрантов для выявления взаимосвязи между социальными маркерами принятия и общей оценкой иммигрантов, ожидая универсальный паттерн взаимосвязей и предполагая, что контекст принятия является менее инклюзивным при восприятии иммигрантов как более низкостатусных. Другими словами, воспринимаемый статус регулирует проницаемость границ между культурными группами.

Процедура и методы

Процедура. Исследование проводилось в соответствии с этическими принципами, установленными COPE и APA. В мае 2023 г. независимая коммерческая исследовательская фирма в ходе онлайн-анкетирования собрала данные для данного исследования. В проведенном социально-психологическом опросе участвовал их собственный пул респондентов, получивший денежное вознаграждение за заполнение анкеты. Прежде чем приступить к заполнению анкеты, участников попросили тщательно ознакомиться с инструкцией, которая включала в себя основные детали изучаемого вопроса, гарантии конфиденциальности и контактную информацию исследователей.

Участники. Общую выборку составили 1009 человек (42 % мужчин) в возрасте от 18 до 78 лет ($M = 37,2$; $SD = 11,6$): 92 % участников отнесли себя к русским, однако несмотря на то, что остальные указали другую этническую группу (например, татары, чувашаи, армяне), 7 % выборки при этом отнесли себя к категории этнических меньшинств или коренных малочисленных народов; 54 % участников имели высшее образование; 71 % – проживали в крупных (от 100 тыс.) и крупнейших (свыше 1 млн) городских населенных пунктах, при этом наибольшая часть участников была из ЦФО (35 %); также 58 % участников идентифицировали себя в качестве православных.

Инструменты. Вместе с методиками для оценки фокальных переменных анкета также включала блок с социодемографическими вопросами о возрасте, поле, этнической группе, образовании, религиозной принадлежности и месте проживания участников опроса.

Зависимая переменная

Общая оценка. Для общей оценки иммигрантов использовался термометр чувств ($M = 46,5$; $SD = 22,2$; и асимметрия, и эксцесс распределения равны $-0,12$): «Ниже что-то похожее на термометр. Мы называем это „термометром чувств“, потому что он измеряет ваше отношение к иммигрантам в России. Вот как это работает. Если ваше отношение к иммигрантам не отличаются особой теплотой или холодностью, то вам нужно выбрать какое-либо значение температуры около отметки 50° . Если же у вас теплые отношения в нем, то вам надо дать им оценку в диапазоне от 50 до 100° в зависимости от того, насколько они теплые. С другой стороны, если у вас в целом негативное, холодное отношение, – тогда нужно отметить температуру где-то между 0 и 50° » (Григорьев. Проблемы... 2020b).

Независимые переменные

Воспринимаемый статус иммигрантов. Три пункта, касающиеся того, насколько обычно иммигранты в России: 1) экономически успешны и высокооплачиваемы; 2) владеют престижной профессией; 3) хорошо образованы, составили оценку воспринимаемого статуса иммигрантов в России (Grigoryev et al., 2019). Для ответов использовалась 5-балльная шкала типа Ликерта от 1 – совсем нет до 5 – в наибольшей степени ($M = 2,43$; $SD = 0,83$; $\alpha = 0,79$)

Социальные маркеры принятия. Список из 67 социальных индикаторов национальной идентичности (см. табл. 1) использовался для оценки социальных маркеров принятия иммигрантов (Jassi, Safdar, 2021; Komisarof et al., 2020; Leong, 2014; Leong et al., 2020). Сначала данный список был оценен с использованием 7-балльной шкалы типа Ликерта от 1 – абсолютно не важен до 7 – абсолютно важен относительно того, насколько каждый из этих пунктов важен (*важность*), чтобы человеку находящемуся на территории России считаться россиянином, а затем с использованием 7-балльной шкалы типа Ликерта от 1 – почти невозможно до 7 – очень легко – насколько каждый из этих пунктов легко достижим (*достижимость*).

Анализ данных. На этапе подготовки данных проведен их скрининг, включающий проверку выбросов и пропусков. Данные не содержали выбросов и пропусков. Для определения количества и содержания социальных маркеров принятия проведен эксплораторный факторный анализ методом минимальных остатков с косоугольным вращением (Облимин) и с собственными значениями факторов больше 1. В качестве остальных статистических анализов применялся парный *t*-тест, а также корреляционный, дисперсионный и множественный регрессионный анализ (метод наименьших квадратов).

Результаты

Список социальных индикаторов национальной идентичности, отсортированных по важности, представлен в табл. 1. Наиболее важным для того, чтобы считаться россиянином являлся «Знать и уважать российские законы и нормы», а наименее важным – «Быть православным». При этом по мнению участников наиболее достижимым являлся «Платить налоги», а наименее достижимым – «Отказываться от своих иностранных культурных норм или поведения». Примечательно, что важность индикатора и его достижимость были сильно положительно связаны ($r = 0,80$, $p < 0,001$), что означает – чем важнее социальный индикатор национальной идентичности, тем его проще достичь. Также размеры эффекта в разнице между важностью и достижимостью указывали на то, что «Владеть разговорным русским языком» является наиболее труднодоступным индикатором из важных, в то время как «Владеть русским матом или сленгом» является наиболее легкодоступным индикатором из неважных.

Результаты теста адекватности выборки Кайзера – Мейера – Олкина и сферичности Бартлетта ($KMO = 0,98$; $\chi^2(2211) = 42749,36$; $p < 0,001$) свидетельствовали о возможности выделения факторной структуры. Последующий

анализ предложил четыре фактора (RMSEA = 0,05), связанные с 49 % общей дисперсии ответов. Исходя из содержания социальных индикаторов национальной идентичности, входящих в первый фактор (15 % дисперсии), данный социальный маркер принятия был обозначен как «Этнический», а входящих во второй фактор (13 % дисперсии), – как «Гражданский»⁴. Также выделены еще два маркера, соответствующие третьему (13 % дисперсии) и четвертому факторам (8 % дисперсии): «Социокультурный» и «Социоэкономический». Два социальных индикатора национальной идентичности, касающиеся военной службы в России, не нагружались ни на один фактор, поэтому далее не рассматривались. Принадлежность социальных индикаторов национальной идентичности к соответствующим социальным маркерам принятия доступна в табл. 1.

Таблица 1 / Table 1

Список социальных индикаторов национальной идентичности, отсортированных по важности, N= 1009 / List of the social indicators of the national identity sorted by the importance, N= 1009

Социальный индикатор / Social indicator	Важность / Importance, M (SD)	Достижимость / Ease of acquiring, M (SD)	d	Социальный маркер / Social marker
1	2	3	4	5
Знать и уважать российские законы и нормы / Know and respect Russian laws and regulations	6,32 (1,12)	5,61 (1,48)	0,54*	Гражданский / Civic
Владеть разговорным русским языком / Be fluent in spoken Russian	6,06 (1,24)	5,11 (1,55)	0,67*	Гражданский / Civic
Платить налоги / Pay taxes	6,00 (1,49)	5,79 (1,43)	0,14*	Гражданский / Civic
Соблюдать российские правила этикета и вежливости / Observe Russian rules of etiquette and courtesy	5,93 (1,35)	5,59 (1,39)	0,24*	Гражданский / Civic
Уважать российские государственные символы и гимн / Respect Russian state symbols and anthem	5,89 (1,66)	5,76 (1,51)	0,08*	Гражданский / Civic
Заботиться о сохранении и развитии природных и исторических памятников России / To take care of the preservation and development of natural and historical monuments of Russia	5,76 (1,48)	5,36 (1,51)	0,27*	Гражданский / Civic
Уважать заслуги и компетенцию других людей / Respect the merit and competence of others	5,74 (1,46)	5,62 (1,38)	0,08*	Социо-экономический / Socioeconomic
Быть знакомым с российской историей и культурой / Be familiar with Russian history and culture	5,67 (1,40)	5,35 (1,44)	0,22*	Гражданский / Civic
Воспитывать детей в духе уважения к российской культуре и традициям / Raise children in the spirit of respect for Russian culture and traditions	5,61 (1,69)	5,31 (1,56)	0,19*	Гражданский / Civic

⁴ По содержанию и достижимости они действительно соответствовали одноименным маркерам, которые были обнаружены во всех предыдущих исследованиях социальных маркеров принятия в других странах (см. например: Leong et al., 2020).

Продолжение табл. 1 / Table 1, continuation

1	2	3	4	5
Иметь разрешение на работу или вид на жительство / Have a work or residence permit	5,52 (1,66)	5,01 (1,50)	0,32*	Гражданский / Civic
Стремиться к взаимопониманию и диалогу с представителями различных религиозных и этнических групп / Strive for mutual understanding and dialogue with representatives of various religious and ethnic groups	5,45 (1,58)	5,12 (1,50)	0,21*	Социо-экономический / Socioeconomic
Уважать и признавать вклад России в мировую науку и технологии / Respect and recognize Russia's contribution to world science and technology	5,34 (1,71)	5,48 (1,47)	-0,09*	Гражданский / Civic
Следовать принятым в России нормам относительно семейных и родственных отношений / Follow the norms adopted in Russia regarding family and kinship relations	5,26 (1,77)	5,12 (1,54)	0,09*	Гражданский / Civic
Быть знакомым с русской литературой и искусством / Be familiar with Russian literature and art	5,25 (1,59)	5,26 (1,47)	-0,01	Гражданский / Civic
Ладить с соседями / Gets on well with neighbours	5,21 (1,72)	5,25 (1,44)	-0,02	Социо-экономический / Socioeconomic
<i>Строить дружбу и взаимоотношения между людьми на принципах, принятых в России / To make friendship and relationships between people on the principles adopted in Russia</i>	<i>5,21 (1,73)</i>	<i>5,27 (1,44)</i>	<i>-0,04</i>	<i>Гражданский / Civic</i>
Получить гражданство России / Get Russian citizenship	5,20 (1,81)	4,80 (1,56)	0,23*	Гражданский / Civic
<i>Следовать российской системе образования и воспитания / Follow the Russian system of education and upbringing</i>	<i>5,15 (1,75)</i>	<i>5,18 (1,50)</i>	<i>-0,01</i>	<i>Гражданский / Civic</i>
<i>Ладить с коллегами по работе / Gets on well with workplace colleagues</i>	<i>5,07 (1,76)</i>	<i>5,25 (1,37)</i>	<i>-0,11*</i>	<i>Социо-экономический / Socioeconomic</i>
<i>Стремиться к образованию и непрерывному самосовершенствованию / Strive for education and continuous self-improvement</i>	<i>5,06 (1,78)</i>	<i>5,07 (1,55)</i>	<i>-0,01</i>	<i>Социо-экономический / Socioeconomic</i>
<i>Стремиться к высоким стандартам качества во всех аспектах жизни и работы / Strive for high standards of quality in all aspects of life and work</i>	<i>5,06 (1,73)</i>	<i>4,89 (1,54)</i>	<i>0,10*</i>	<i>Социо-экономический / Socioeconomic</i>
<i>Стремиться к саморазвитию и обучению новым навыкам для успешной карьеры / Strive for self-development and learning new skills for a successful career</i>	<i>5,02 (1,76)</i>	<i>5,15 (1,39)</i>	<i>-0,08*</i>	<i>Социо-экономический / Socioeconomic</i>
Освоить и воспринять местный способ мышления, принципы и ценности / To master and perceive the local way of thinking, principles, and values	4,85 (1,74)	4,67 (1,60)	0,11*	Гражданский / Civic
Прожить в России продолжительное время / Live in Russia for a long time	4,78 (1,84)	5,19 (1,50)	-0,24*	Этнический / Ethnic
<i>Иметь стабильную работу / Have a stable job</i>	<i>4,66 (1,90)</i>	<i>4,55 (1,57)</i>	<i>0,07</i>	<i>Социо-экономический / Socioeconomic</i>

Продолжение табл. 1 / Table 1, continuation

1	2	3	4	5
Стремиться к развитию профессиональных и культурных связей с представителями своей страны происхождения, проживающими в России / Strive to develop professional and cultural ties with representatives of their country of origin living in Russia	4,63 (1,78)	5,02 (1,42)	-0,24*	Социо-экономический / Socioeconomic
Быть лояльным российской власти / Be loyal to the Russian government	4,57 (2,01)	4,82 (1,74)	-0,14*	Гражданский / Civic
Участвовать в общественной жизни в России / Participate in public life in Russia	4,53 (1,73)	4,78 (1,59)	-0,16*	Социокультурный / Sociocultural
Иметь общие с россиянами идеалы и смысл жизни / To have common ideals and the meaning of life with the Russians	4,53 (1,88)	4,65 (1,67)	-0,07*	Гражданский / Civic
Отмечать национальные праздники России / Celebrate the national holidays of Russia	4,42 (2,00)	5,50 (1,58)	-0,60*	Социокультурный / Sociocultural
Вести себя как «россиянин» / Act like a Russian	4,22 (1,98)	4,65 (1,68)	-0,23*	Этнический / Ethnic
Быть признанным специалистом, профессионалом / To be a recognized specialist, a professional	4,16 (1,89)	4,36 (1,59)	-0,11*	Социо-экономический / Socioeconomic
Поддерживать российские товары и бренды / Support Russian products and brands.	4,10 (1,96)	4,99 (1,60)	-0,50*	Социокультурный / Sociocultural
Пройти военную службу в России / Completed military service in Russia	4,05 (2,17)	4,68 (1,79)	-0,32*	-
Участвовать в международных мероприятиях и форумах, представляя Россию и российские интересы / Participate in international events and forums, representing Russia and Russian interests	3,97 (1,95)	4,27 (1,71)	-0,16*	Социокультурный / Sociocultural
Владеть языком национальной республики в составе России / Be fluent in the language of the national republic within Russia	3,96 (2,02)	4,00 (1,72)	-0,02	Социокультурный / Sociocultural
Посещать местные культурные мероприятия и фестивали / Attend local cultural events and festivals	3,87 (1,87)	5,29 (1,53)	-0,83*	Социокультурный / Sociocultural
Сын прошел военную службу в России / The son completed military service in Russia	3,85 (2,13)	4,43 (1,80)	-0,29*	-
Уйти на пенсию или планировать уйти на пенсию в России / Retire or plan to retire in Russia	3,80 (1,98)	4,52 (1,72)	-0,39*	Социокультурный / Sociocultural
Иметь детей-граждан России / Have children who are citizens of Russia	3,75 (2,06)	4,71 (1,64)	-0,51*	Этнический / Ethnic
Работать в области, где в России наблюдается дефицит кадров / Work in an area where there is a shortage of personnel in Russia	3,75 (1,87)	4,67 (1,63)	-0,53*	Социо-экономический / Socioeconomic
Инвестировать в российские компании или основать собственный бизнес в России / Invest in Russian companies or establish your own business in Russia	3,75 (1,99)	4,07 (1,70)	-0,17*	Социокультурный / Sociocultural
Общаться у себя дома на русском языке / Speak at home in Russian	3,73 (2,13)	4,42 (1,86)	-0,35*	Этнический / Ethnic
Участвовать в работе местных благотворительных организаций / Participates in the work of local charity organisations	3,67 (1,79)	4,67 (1,59)	-0,59*	Социокультурный / Sociocultural

Продолжение табл. 1 / Table 1, continuation

1	2	3	4	5
<i>Заниматься искусством, музыкой или творчеством, вдохновленным русской культурой и традициями / Engage in art, music or creativity inspired by Russian culture and traditions</i>	3,64 (1,86)	4,59 (1,62)	-0,54*	Социокультурный / Sociocultural
Одеваться так, как это принято среди россиян / Dress as is customary among Russians	3,63 (1,94)	4,97 (1,69)	-0,74*	Этнический / Ethnic
Работать в российской компании / Work for a Russian company	3,61 (1,91)	4,92 (1,58)	-0,75*	Социокультурный / Sociocultural
Болесть в спортивных соревнованиях за Россию / Cheer in sports competitions for Russia	3,61 (2,11)	5,03 (1,76)	-0,73*	Социокультурный / Sociocultural
<i>Участвовать в местной политике / Participate in local politics</i>	<i>3,59 (1,78)</i>	<i>3,89 (1,67)</i>	<i>-0,20*</i>	<i>Социокультурный / Sociocultural</i>
Владеть жилой недвижимостью в России / Own residential real estate in Russia	3,54 (1,96)	3,83 (1,72)	-0,16*	Этнический / Ethnic
Знать и любить русские народные песни и мелодии / Know and love Russian folk songs and melodies	3,48 (1,91)	4,51 (1,71)	-0,57*	Социокультурный / Sociocultural
Иметь престижную профессию / Have a prestigious profession	3,37 (1,86)	3,85 (1,58)	-0,28*	Социо-экономический / Socioeconomic
<i>Принадлежать к одной из основных национальностей, проживающих в России / Belong to one of the main ethnic groups living in Russia</i>	<i>3,27 (1,99)</i>	<i>4,03 (1,77)</i>	<i>-0,40*</i>	<i>Этнический / Ethnic</i>
Иметь высшее образование / Have a higher education	3,25 (1,91)	4,15 (1,61)	-0,51*	Социо-экономический / Socioeconomic
Любить «типичные» российские занятия / Love “typical” Russian activities	3,20 (1,80)	4,35 (1,65)	-0,67*	Этнический / Ethnic
Исповедовать одну из традиционных для России религий / To profess one of the religions traditional for Russia	3,15 (2,03)	4,21 (1,68)	-0,56*	Этнический / Ethnic
<i>Иметь социальный круг, состоящий в основном из коренных россиян / Have a social circle consisting mainly of native Russian citizens</i>	<i>3,13 (1,72)</i>	<i>4,35 (1,64)</i>	<i>-0,76*</i>	<i>Этнический / Ethnic</i>
Следовать российским традициям в питании и кухне / Follow Russian traditions in food and cuisine	3,13 (1,84)	4,62 (1,69)	-0,84*	Этнический / Ethnic
<i>Отказываться от своих иностранных культурных норм или поведения / Gives up foreign cultural norms or behavior</i>	<i>3,09 (1,86)</i>	<i>3,30 (1,78)</i>	<i>-0,12*</i>	<i>Этнический / Ethnic</i>
<i>Иметь социальный круг, состоящий в основном из русских / Have a social circle consisting mainly of Russians</i>	<i>3,07 (1,73)</i>	<i>4,25 (1,87)</i>	<i>-0,64*</i>	<i>Этнический / Ethnic</i>
Иметь русских предков / Have Russian ancestors	3,01 (1,93)	3,44 (1,78)	-0,23*	Этнический / Ethnic
<i>Быть русским по национальности / Be Russian by ethnic group</i>	<i>2,99 (2,01)</i>	<i>3,47 (1,99)</i>	<i>-0,24*</i>	<i>Этнический / Ethnic</i>
Знать и любить современную российскую музыку / Know and love contemporary Russian music	2,99 (1,84)	4,38 (1,78)	-0,77*	Социокультурный / Sociocultural
Владеть русским матом или сленгом / Be proficient in Russian obscenities or slang	2,90 (1,92)	5,04 (1,88)	-1,13*	Этнический / Ethnic

Окончание табл. 1 / Table 1, ending

1	2	3	4	5
Вступить в брак с россиянином или россиянкой / To marry a Russian (wo)man	2,80 (1,79)	4,59 (1,62)	-1,05*	Этнический / Ethnic
Быть физически похожим на россиянина / Be physically similar to a Russian	2,75 (1,82)	3,46 (1,80)	-0,39*	Этнический / Ethnic
Быть православным / Be a Russian Orthodox Christian	2,57 (1,85)	3,58 (1,87)	-0,54*	Этнический / Ethnic

Примечание: * $p < 0,05$. Курсивом выделены пункты, которые по результатам эксплораторного факторного анализа были использованы в создании переменных для последующего корреляционного и регрессионного анализа.

Note: * $p < 0.05$. The items highlighted in italic were chosen based on the results of exploratory factor analysis to construct variables for subsequent correlational and regression analyses.

Результаты однофакторного дисперсионного анализа различий в важности и достижимости социальных индикаторов национальной идентичности в зависимости от их принадлежности к социальным маркерам принятия представлены в табл. 2. Так, 70 % важности и 37 % достижимости социальных индикаторов национальной идентичности связаны с принадлежностью к соответствующим социальным маркерам принятия. При этом в среднем индикаторы гражданского маркера являлись наиболее важными и достижимыми, тогда как индикаторы этнического маркера были наименее важными и вместе с индикаторами социокультурного маркера наименее достижимыми.

Таблица 2 / Table 2

Различия в важности и достижимости социальных индикаторов национальной идентичности, $N = 65$ / Differences in the importance and ease of acquiring of the social indicators of the national identity, $N = 65$

Показатель / Dimension	Социальные индикаторы / Social indicators				$F(df)$	ω^2
	Гражданские / Civic, $n = 18$	Социально-экономические / Socioeconomic, $n = 13$	Социокультурные / Sociocultural, $n = 15$	Этнические / Ethnic, $n = 19$		
Важность / Importance	5,45 (0,50) _a	4,65 (0,79) _b	3,80 (0,38) _c	3,30 (0,54) _d	51,7 (3,61)*	0,70
Достижимость / Ease of acquiring	5,23 (0,35) _a	4,84 (0,50) _{ab}	4,63 (0,47) _{bc}	4,23 (0,59) _c	13,5 (3,61)*	0,37

Примечание: * $p < 0,001$. Отличающимися латинскими буквами отмечены значимые различия на уровне $p < 0,05$ с поправкой на множественные сравнения.

Note: * $p < 0.001$. The different letters indicate significant differences at $p < 0.05$, adjusted for multiple comparisons.

Далее на основе результатов эксплораторного факторного анализа были отобраны по 6 социальных индикаторов национальной идентичности для каждого социального маркера принятия (выделены курсивом в табл. 1), которые имели наибольшие факторные нагрузки на свои факторы и не имели сильных кросс-нагрузок. Корреляции Пирсона между полученными таким образом переменными и их показатели надежности (коэффициенты внутренней согласованности шкал α Кронбаха) доступны в табл. 3. Социальные маркеры принятия были положительно связаны между собой, то есть если

участники считают важным один маркер, то они более вероятно рассматривают и другие маркеры как более важные⁵.

Таблица 3 / Table 3

**Взаимосвязь между важностью социальных маркеров принятия, N= 1009 /
Relationship between the importance of social markers of acceptance, N= 1009**

Социальный маркер / Social marker	α	1	2	3
1. Гражданский маркер / Civic marker	0,86	–		
2. Социоэкономический маркер / Socioeconomic marker	0,86	0,46*	–	
3. Социокультурный маркер / Sociocultural marker	0,87	0,46*	0,61*	–
4. Этнический маркер / Ethnic marker	0,87	0,32*	0,35*	0,55*

Примечание / Note: * $p < 0,001$.

Регрессионный анализ с социодемографическими переменными показал, что только возраст и принадлежность к православию предсказывали 10 % дисперсии важности гражданского маркера ($\beta_{\text{возраст}} = 0,15$; $p < 0,001$; $\beta_{\text{православие}} = 0,51$; $p < 0,001$) и 8 % дисперсии важности социокультурного маркера ($\beta_{\text{возраст}} = -0,07$; $p = 0,025$; $\beta_{\text{православие}} = 0,56$; $p < 0,001$), а также только принадлежность к православию предсказывала 4 % дисперсии важности этнического маркера ($\beta_{\text{православие}} = 0,37$; $p < 0,001$) и 3 % дисперсии важности социоэкономического маркера ($\beta_{\text{православие}} = 0,35$; $p < 0,001$).

Результаты регрессионного анализа для общей оценки иммигрантов по термометру чувств доступны в табл. 4. Итак, 24 % дисперсии общей оценки иммигрантов связаны с тестируемыми предикторами. В первую очередь важность этнического маркера, а во вторую – более старший возраст и важность гражданского маркера отрицательно предсказывали общую оценку иммигрантов. Однако в первую очередь воспринимаемый статус иммигрантов, а во вторую – важность социокультурного и социоэкономического маркера положительно предсказывали общую оценку иммигрантов.

Наконец, наблюдались эффекты взаимодействия между воспринимаемым статусом иммигрантов и важностью социокультурного и этнического маркера. Так, важность социокультурного маркера предсказывала общую оценку иммигрантов только при условии низкого уровня воспринимаемого статуса ($\beta = 0,29$; $p < 0,001$), в то время как воспринимаемый статус ослаблял негативную связь между важностью этнического маркера и общей оценкой ($\beta_{\text{низкий статус}} = -0,48$; $p < 0,001$; $\beta_{\text{высокий статус}} = -0,30$; $p < 0,001$).

⁵ Помимо этих взаимосвязей между маркерами, по данным табл. 1 можно заметить, что содержательно некоторые социальные индикаторы могли бы относиться сразу к нескольким маркерам. Хотя мы не использовали индикаторы, которые показывали в экспираторном факторном анализе сильные кросс-нагрузки, маркеры все равно имели корреляции от средних до сильных. Это может быть вызвано тем, что гражданская, социоэкономическая и политическая активность в России связаны с общим фактором, который в свою очередь положительно взаимосвязан с национальной идентичностью (Shamionov, 2020).

Таблица 4 / Table 4

**Результаты регрессионного анализа для общей оценки иммигрантов
по термометру чувств, N= 1009 / Results of regression analysis for general evaluation
of immigrants by the feeling thermometer, N= 1009**

Предикторы / Predictors	β
<i>Социодемографические переменные / Sociodemographic variables</i>	
Возраст / Age	–0,07*
Пол (1 = мужчина, 0 = женщина) / Gender (1 = man, 0 = woman)	–0,01
Этническая группа (1 = русские, 0 = нет) / Ethnic group (1 = Russians, 0 = no)	–0,03
Этническое меньшинство (1 = да, 0 = нет) / Ethnic minority (1 = yes, 0 = no)	0,04
Образование / Education	0,01
Религия (1 = православие, 0 = нет) / Religious affiliation (1 = Russian Orthodox, 0 = no)	–0,02
Размер места проживания / Place residence size	–0,01
<i>Фокальные переменные / Focal variables</i>	
Воспринимаемый статус иммигрантов / Perceived status of immigrants	0,28*
Гражданский маркер / Civic marker	–0,09*
Социоэкономический маркер / Socioeconomic marker	0,08*
Социокультурный маркер / Sociocultural marker	0,18*
Этнический маркер / Ethnic marker	–0,39*
<i>Взаимодействие / Interactions</i>	
Гражданский маркер × Воспринимаемый статус иммигрантов / Civic marker × Perceived status of immigrants	–0,04
Социоэкономический маркер × Воспринимаемый статус иммигрантов / Socioeconomic marker × Perceived status of immigrants	0,05
Социокультурный маркер × Воспринимаемый статус иммигрантов / Sociocultural marker × Perceived status of immigrants	–0,11*
Этнический маркер × Воспринимаемый статус иммигрантов / Ethnic marker × Perceived status of immigrants	0,09*

Примечание / Note: * $p < 0,05$.

Обсуждение

В данном исследовании мы стремились понять, «как стать россиянином»: каково содержание национальной идентичности, определяющее социальные маркеры принятия иммигрантов в России, количество этих маркеров, их важность и доступность. Полученные результаты показали, что наиболее важным для россиян является гражданский маркер, более того, по их мнению, его социальные индикаторы национальной идентичности наиболее достижимы для иммигрантов. Этот маркер касался приверженности формальным и неформальным правилам, законам и символам, которые составляют российское общество, то есть прежде всего важно, насколько хорошо иммигрант соблюдает российские законы и нормы поведения (включая использование русского языка), выполняет социальные обязательства, уважает государственные символы – все то, что связано с гражданской ответственностью и соответствием гражданским ценностям общества. Требования «соблюдать законы и обязанности» также являются ядром российского гражданства в глазах россиян (Дробужева и др., 2021). Таким образом, можно утверждать, что в России распространена идея либерального, а не ограничительного гражданства.

Напротив, этнические социальные индикаторы национальной идентичности были наименее важными. Они составляли этнический маркер, касающийся этнокультурных, наследственных и биологических черт, которые идентифицируют человека как члена определенной этнической группы (физическое сходство, предки, религиозная принадлежность) и предполагают исключение, сегрегацию или, как минимум, полную ассимиляцию иммигрантов. Эти российские результаты по гражданскому и этническому маркеру во многом перекликаются с обнаруженными в пяти других странах (Leong et al., 2020), что согласуется с более ранними наблюдениями. Хотя в целом россияне придерживались позиций мультикультурализма, они проявляли некоторую амбивалентность представлений – стоит ли государству поддерживать культуру и религии всех жителей России или в первую очередь культуру русского большинства (Дробижева и др., 2022).

Кроме того, так же как в Японии (Komisarof et al., 2020) и Канаде (Jassi, Safdar, 2021), был выделен социоэкономический маркер. Для него характерны такие социальные индикаторы национальной идентичности, как наличие стабильной работы, профессиональное развитие и высшее образование, хорошие отношения с коллегами и соседями. Для иммигрантов он, по сути, непосредственно связан с уровнем их *социоэкономической адаптации* (Grigoryev, Berry, 2017), который конвертируется в их *статус* в российском обществе (Григорьев, 2022). Примечательно, что в России, в отличие от Японии и Канады, был выделен еще и четвертый социальный маркер принятия⁶, названный «социокультурным», который можно связать с *межкультурной компетентностью* иммигрантов и уровнем их *социокультурной адаптации* (Гриценко и др., 2021). Его социальные индикаторы национальной идентичности оценивают степень, в которой иммигрант интегрирован в российское общество способами, которые явно не охвачены другими маркерами, а именно участием в общественной жизни, поддержкой российского бизнеса, празднованием национальных праздников, посещением местных культурных мероприятий и т. д.

Для сравнения важности социальных индикаторов национальной идентичности к настоящему дню доступны результаты из Сингапура (Leong, 2014), Японии (Komisarof et al., 2020) и Канады (Jassi, Safdar, 2021). Хотя ранее сообщалось о значительных межнациональных различиях в формах символических границ, используемых принимающим населением для социального конструирования понятий «Мы» и «Они» (Bail, 2008), в контексте социальных индикаторов национальной идентичности России и этих стран можно выделить несколько универсальных социальных индикаторов, которые, вероятно, имеют решающее значение для социальной интеграции. К ним относятся соблюдение местных законов, норм и правил, знание языка, стабильная занятость на рынке труда и содействие позитивным социальным отношениям в принимающей стране. Высокие рейтинги важности этих показателей во всех обследованных странах указывают на то, что они служат фундаментальными

⁶ Интересно, что взгляды на этнокультурное многообразие и авторитарные и этноцентрические установки также могут быть описаны похожей четырехфакторной структурой, включая в том числе внимание к соблюдению социальных норм и превосходству на основе принадлежности к культуре или социальному классу (Григорьев. Взгляды... 2020a).

опорами, поддерживающими социальную сплоченность. Независимо от культурного контекста, эти показатели, по-видимому, неразрывно связаны с универсальными человеческими потребностями в безопасности, принадлежности и идентичности, что предполагает их центральную роль в процессе взаимной аккультурации и социальной интеграции.

Примечательно, что в России «знать и уважать российские законы и нормы» как социальный индикатор национальной идентичности даже важнее, чем «владеть разговорным русским языком»⁷. Это может быть обусловлено тем, что негативное отношение к иммигрантам во многом связано с распространённой претензией к их поведению – «они ведут себя как хозяева на нашей земле» (Дробижева, 2015), поскольку они слабо интегрированы в российский культурный контекст, не имеют потребности следовать или просто не знают норм, правил и практик городского образа жизни (Кузнецов, 2017). Неслучайно представители принимающего населения в межкультурных конфликтах часто выбирают стратегию обучения новоприбывших автохтонной культуре, включая объяснение принятых местных норм и правил с акцентом на обязательности их соблюдения (Batkhina, 2020).

Учитывая, что данные требования относятся именно к гражданскому маркеру принятия, важно четко отделить их от этнической концепции национальной идентичности, которая основывается на общем происхождении, выходящем за географические границы. Напротив, концепция *автохтонности* подчеркивает именно территориальное размещение группы и вытекающее из него следование определенным нормам и правилам поведения (Zenker, 2011). В отличие от различных проявлений этноцентризма, убеждения, связанные с автохтонностью, получили значительно меньше внимания в литературе, что было бы полезно исправить в будущих исследованиях.

Наконец, восприятие иммигрантов как более высокостатусных связано с их более позитивной общей оценкой. При этом в случае более позитивной общей оценки иммигрантов важность гражданского и этнического маркера была ниже, особенно в случае восприятия более высокого статуса и этнического маркера. Напротив, в случае более позитивной общей оценки иммигрантов важность социоэкономического маркера и социокультурного маркера при условии низкого уровня воспринимаемого статуса была выше. Во-первых, это согласуется с утверждением о ключевой роли статуса в межкультурных отношениях в России (Grigoryev et al., 2019; Григорьев, 2022) и означает, что для более высокостатусных групп межгрупповые границы действительно более проницаемы. Во-вторых, это указывает на идею межгруппового контакта, снижающего предубежденность (Berry et al., 2022) и стоящего за важностью социоэкономического и социокультурного маркеров, поскольку для принимающего населения в случае межгруппового контакта с иммигрантами было бы предпочтительнее, если бы они имплементировали эти социальные индикаторы, то есть были социоэкономически и социокультурно адаптированы.

⁷ Данные массового опроса показали, что сразу после общего государства, вторым по важности объединяющим фактором россияне называют русский язык (Дробижева и др., 2022). О роли и значении русского языка для российской идентичности в экспертном дискурсе см.: Арутюнова, 2022.

Ограничения. Настоящее исследование стремилось понять социальные маркеры принятия с точки зрения репрезентативности для всего населения России в целом. Хотя, согласно нашим данным, социодемографические показатели нельзя назвать существенными⁸, Российская Федерация является полиэтнической страной с национальными республиками в своем составе, которые имеют свое в чем-то уникальное видение национальной идентичности (Дробижева и др., 2021). Таким образом, в дальнейшей работе в этом направлении можно было бы провести сравнительные исследования, лучше учитывающие территориальную, религиозную и этнокультурную специфику российского населения для прояснения и уточнения этих нюансов. Также общая методология нашего исследования может быть использована и для понимания региональной идентичности.

Несмотря на то что использованный нами широкий набор социальных индикаторов так или иначе охватывает различные аспекты содержания национальной идентичности, было бы полезно помимо данного *этик*-подхода, использовать *эмик*-подход. Например, индикаторы и их конкретные формулировки и понимание могли бы обсуждаться в ходе интервью или фокус-групп. Кроме того, само по себе использование качественных методов в будущих исследованиях могло бы помочь обогатить и расширить наши результаты и выводы.

Заключение

Итак, гражданские индикаторы национальной идентичности являются более важными и достижимыми для иммигрантов, чем этнические. Это указывает на то, что российский контекст для иммигрантов можно в целом назвать инклюзивным. Однако группы иммигрантов с более низким статусом, по видимому, сталкиваются с менее проницаемыми межгрупповыми границами. Поэтому для успешной адаптации иммигрантов и поддержания социальной сплоченности в обществе было бы полезно сначала ориентироваться на образовательные программы и социальную политику, которые содействуют соблюдению иммигрантами российских законов, правил и норм, а также побуждают их участвовать в местных культурных мероприятиях и общественных инициативах, заниматься образованием, повышением своей квалификации и компетентности. Только затем следовало бы проводить антидискриминационные мероприятия в социокультурной и социоэкономической сферах, чтобы снизить важность этнических маркеров и предотвратить социальный остракизм иммигрантов или трудности в их интеграции в российское общество.

Список литературы

Арутюнова Е.М. Анализ представлений о русском языке в российской идентичности: экспертный дискурс // Социологическая наука и социальная практика. 2022. Т. 10. № 1. С. 95–109. <https://doi.org/10.19181/snsp.2022.10.1.8863>

⁸ Например, принадлежность к православию, которая по видимому представляет собой просто прокси для оценки социального консерватизма, переставала быть значимым предиктором при добавлении фокальных переменных.

- Берри Дж.У. Экокультурная психология / пер. с англ. Д.С. Григорьева // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 15. № 4. С. 4–16. <https://doi.org/10.17759/chp.2019150401>
- Воронина Н.С. Отношение россиян к иммигрантам в период пандемии COVID-19 (2020–2021 гг.) // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11. № 1. С. 104–123. <https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.1.6>
- Григорьев Д.С. Взгляды на этнокультурное многообразие и авторитарные и этноцентрические установки русских // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2020. Т. 17. № 3. С. 473–490. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-3-473-490>
- Григорьев Д.С. Когнитивно-мотивационные основы аккультурационных ожиданий: применение модели групповой позиции этнических групп // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2022. Т. 19. № 1. С. 86–109. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-1-86-109>
- Григорьев Д.С. Проблемы концептуализации и операционализации отношения к иммигрантам в межстрановых сравнительных исследованиях // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2020. № 3. С. 89–100. <https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-3-89-100>
- Гриценко В.В., Хухлаев О.Е., Зинурова Р.И., Константинов В.В., Кулеш Е.В., Мальшиев И.В., Новикова И.А., Черная А.В. Межкультурная компетентность как предиктор адаптации иностранных студентов // Культурно-историческая психология. 2021. Т. 17. № 1. С. 102–112. <https://doi.org/10.17759/chp.2021170114>
- Дробижьева Л.М. Потенциал межнационального согласия: осмысление понятия и социальная практика в Москве // Социологические исследования. 2015. № 11 (379). С. 80–90.
- Дробижьева Л.М., Арутюнова Е.М., Евсеева М.А., Кузнецов И.М., Рыжова С.В., Фадеев П.В., Щеголькова Е.Ю., Эндрюшко А.А. Российская идентичность и межэтнические отношения. Публичный дискурс и социальная практика: монография / отв. ред. И.М. Кузнецов, С.В. Рыжова. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. 434 с. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-404-8.2022>
- Дробижьева Л.М., Арутюнова Е.М., Евсеева М.А., Кузнецов И.М., Рыжова С.В., Фадеев П.В., Щеголькова Е.Ю., Эндрюшко А.А. Содержательные основы российской идентичности. Региональный и этнокультурный контексты: монография / отв. ред. Е.М. Арутюнова, С.В. Рыжова. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. 288 с. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-374-4.2021>
- Кузнецов И.М. Баланс межнациональных установок как индикатор состояния межэтнических отношений // Мир России. 2017. Т. 26. № 1. С. 58–80.
- Маликова Н.Р. Глобализация как фактор адаптации мигрантов // Пензенский психологический вестник. 2014. № 1. С. 113–124.
- Bail C.A. The configuration of symbolic boundaries against immigrants in Europe // American Sociological Review. 2008. Vol. 73. No. 1. Pp. 37–59. <https://doi.org/10.1177/000312240807300103>
- Batkina A. Values and communication apprehension as antecedents of conflict styles in intercultural conflicts: a study in Germany and Russia // Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology. 2020. Vol. 26. No. 1. Pp. 22–34. <https://doi.org/10.1037/pac0000429>
- Berry J.W., Lepshokova Z., MIRIPS Collaboration, Grigoryev D. How shall we all live together? Meta-analytical review of the mutual intercultural relations in plural societies project // Applied Psychology: An International Review. 2022. Vol. 71. No. 3. Pp. 1014–1041. <https://doi.org/10.1111/apps.12332>
- Grigoryev D., Berry J.W. A taxonomy of intergroup ideologies // Cultural-Historical Psychology. 2021. Vol. 17. No. 4. Pp. 7–15. <https://doi.org/10.17759/chp.2021170401>
- Grigoryev D., Berry J.W. Acculturation preferences, ethnic and religious identification and the socio-economic adaptation of Russian-speaking immigrants in Belgium // Journal of Intercultural Communication Research. 2017. Vol. 46. No. 6. Pp. 537–557. <https://doi.org/10.1080/17475759.2017.1386122>

- Grigoryev D., Fiske S.T., Batkhina A. Mapping ethnic stereotypes and their antecedents in Russia: the stereotype content model // *Frontiers in Psychology*. 2019. Vol. 10. Pp. 1–21. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.01643>
- Grigoryev D., van de Vijver F. Acculturation expectation profiles of Russian majority group members and their intergroup attitudes // *International Journal of Intercultural Relations*. 2018. Vol. 64. No. 3. Pp. 90–99. <http://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2018.03.001>
- Jassi A., Safdar S. The inclusion of immigrants in Canada: an examination of social markers of acceptance // *Canadian Journal of Behavioural Science*. 2021. Vol. 53. No. 4. Pp. 433–444. <https://doi.org/10.1037/cbs0000199>
- Komisarof A., Leong C.H. Viewing intercultural adaptation and social inclusion through constructs of national identity: an introduction // *International Journal of Intercultural Relations*. 2020. Vol. 78. Pp. 1–9. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2020.06.001>
- Komisarof A., Leong C.H., Teng E. Constructing who can be Japanese: a study of social markers of acceptance in Japan // *Asian Journal of Social Psychology*. 2020. Vol. 23. No. 2. Pp. 238–250. <https://doi.org/10.1111/ajsp.12396>
- Leong C.H., Komisarof A., Dandy J., Jasinskaja-Lahti I., Safdar S., Hanke K., Teng E. What does it take to become “one of us?” Redefining ethnic-civic citizenship using markers of everyday nationhood // *International Journal of Intercultural Relations*. 2020. Vol. 78. Pp. 10–19. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2020.04.006>
- Leong C.H. Social markers of acculturation: a new research framework on intercultural adaptation // *International Journal of Intercultural Relations*. 2014. Vol. 38. Pp. 120–132. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2013.08.006>
- Montreuil A., Bourhis R.Y. Majority acculturation orientations toward “valued” and “devalued” immigrants // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2001. Vol. 32 No. 6. Pp. 698–719. <https://doi.org/10.1177/0022022101032006004>
- Shamionov R.M. The role of civic identity in the preferences of civil and political forms of social activity in Russian youth // *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. 2020. Vol. 17. No. 3. Pp. 459–472. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-3-459-472>
- Smith G., Law V., Wilson A., Bohr A., Allworth E. *Nation-building in the post-Soviet borderlands: the politics of national identities*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511598876>
- Terry D.J., Pelly R.N., Lalonde R.N., Smith J.R. Predictors of cultural adjustment: intergroup status relations and boundary permeability // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2006. Vol. 9. No. 2. Pp. 249–264. <https://doi.org/10.1177/1368430206062080>
- Zenker O. Autochthony, ethnicity, indigeneity and nationalism: time-honouring and state-oriented modes of rooting individual-territory-group triads in a globalizing world // *Critique of Anthropology*. 2011. Vol. 31. No. 1. Pp. 63–81. <https://doi.org/10.1177/0308275X10393438>

История статьи:

Поступила в редакцию 15 сентября 2023 г.

Принята к печати 23 октября 2023 г.

Для цитирования:

Григорьев Д.С., Галлямова А.А., Комягинская Е.Ш. Как стать россиянином? Содержание национальной идентичности, определяющее социальные маркеры принятия иммигрантов в России // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*. 2023. Т. 20. № 4. С. 675–696. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2023-20-4-675-696>

Вклад авторов:

Д.С. Григорьев – концепция и дизайн исследования, сбор и обработка данных, статистический анализ, написание текста. А.А. Галлямова – администрирование проекта, на-

писание начального текста. *Е.Ш. Комягинская* – проверка результатов, написание и редактирование текста.

Заявление о конфликте интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Сведения об авторвх:

Григорьев Дмитрий Сергеевич, PhD, научный сотрудник, Центр социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Российская Федерация). ORCID: 0000-0003-4511-7942; SPIN-код: 1807-9739. E-mail: dgrigoryev@hse.ru

Галлямова Альбина Аликовна, стажер-исследователь, Центр социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Российская Федерация). ORCID: 0000-0002-8775-7289; SPIN-код: 6639-2529. E-mail: agallyamova@hse.ru

Комягинская Елизавета Шамилевна, стажер-исследователь, Центр социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Российская Федерация). ORCID: 0000-0002-8841-1722; SPIN-код: 4854-0374. E-mail: eshkomyaginskaya@edu.hse.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2023-20-4-675-696

EDN: UZTYXS

UDC 316.647.5

Research article

Becoming a Member of the Russian Nation: The Content of National Identity Underlying the Social Markers of Acceptance for Immigrants in Russia

Dmitry Grigoryev , **Albina Gallyamova** , **Elizaveta Komyaginskaya**

HSE University,
20 Myasnitskaya St, Moscow, 101000, Russian Federation

 dgrigoryev@hse.ru

Abstract. Acculturation expectations of the host society are an integral and important part of the process of mutual acculturation and subsequent adaptation due to intercultural contact. A new approach to acculturation of host society members is examined: the concept of social markers of acceptance, which analyzes socially constructed criteria that indicate immigrants' inclusion in the larger society. The aim of the study was to understand specific social indicators of national identity that Russians consider important for the inclusion of an immigrant into Russian society. The relationship between these markers and a general attitude toward immigrants were investigated, as well as how perceived immigrant status moderates these relationships. A survey with 1,009 participants, the majority of whom identified as ethnic Russian, was conducted. The results indicated that civic indicators of national identity, especially compliance with laws and regulations, were considered the most important and ease of acquiring for immigrants, while ethnic indicators were considered the least important and ease of acquiring. Additionally, socioeconomic and sociocultural indicators were identified as being of intermediate importance and ease of acquiring, which suggested with the concepts of immigrant status and socio-

economic adaptation, along with immigrant intercultural competence and sociocultural adaptation respectively. Finally, the perceived higher status of immigrants was associated with more permeable intergroup boundaries. Research results suggest that the Russian population is inclined toward a civic conceptualization of national identity, preferring a liberal approach to citizenship over a more restrictive one. The study also underscores the influence of perceived immigrant status in shaping the host population's acculturation expectations. As a practical implication of the findings, focusing on social and educational programs that promote legal and civic compliance among immigrants before adopting anti-discrimination measures on the part of the host society is recommend.

Key words: acculturation expectations, national identity, social markers of acceptance, perceived status, intergroup boundaries, intercultural relations, acculturation, interethnic relations, interethnic conflicts

Acknowledgements and Funding. The study was supported by the Russian Science Foundation project number 20-18-00268, <https://rscf.ru/project/23-18-45015/>

References

- Arutyunova, E.M. (2022). Analysis of the ideals about the Russian language in the All-Russian Identity: Expert discourse. *Sociologicheskaja Nauka i Social'naja Praktika*, 10(1), 95–109. (In Russ.) <https://doi.org/10.19181/snsp.2022.10.1.8863>
- Bail, C.A. (2008). The configuration of symbolic boundaries against immigrants in Europe. *American Sociological Review*, 73(1), 37–59. <https://doi.org/10.1177/000312240807300103>
- Batkina, A. (2020). Values and communication apprehension as antecedents of conflict styles in intercultural conflicts: A study in Germany and Russia. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*, 26(1), 22–34. <https://doi.org/10.1037/pac0000429>
- Berry, J.W. (2019). Ecocultural psychology (D. Grigoryev, Transl. from Eng.). *Cultural-Historical Psychology*, 15(4), 4–16. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/chp.2019150401>
- Berry, J.W., Lepshokova, Z., MIRIPS Collaboration, & Grigoryev, D. (2022). How shall we all live together?: Meta-analytical review of the mutual intercultural relations in plural societies project. *Applied Psychology: An International Review*, 71(3), 1014–1041. <https://doi.org/10.1111/apps.12332>
- Drobizheva, L.M. (2015). The potential of interethnic consent. Comprehension of the concept and social practice in Moscow. *Sociologicheskie Issledovaniya*, (11), 80–90. (In Russ.)
- Drobizheva, L.M., Arutyunova, E.M., Evseeva, M.A., Kuznetsov, I.M., Ryzhova, S.V., Fadeev, P.V., Shchegolkova, E.Yu., & Endryushko, A.A (2021). *Content Bases of Russian Identity. Regional and Ethnocultural Contexts*. Moscow: Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.) <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-374-4.2021>
- Drobizheva, L.M., Arutyunova, E.M., Evseeva, M.A., Kuznetsov, I.M., Ryzhova, S.V., Fadeev, P.V., Shchegolkova, E.Y., & Endryushko, A.A. (2022). *Russian Identity and Interethnic Relations. Public Discourse and Social Practice*. Moscow: Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.) <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-404-8.2022>
- Grigoryev, D. (2020a). Views on cultural diversity as well as authoritarian and ethnocentric attitudes of Russians. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 17(3), 473–490. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-3-473-490>
- Grigoryev, D. (2020b). Problems of conceptualisation and operationalisation of attitudes toward immigrants in cross-national comparative research. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*, (3), 89–100. (In Russ.) <https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-3-89-100>
- Grigoryev, D. (2022). Cognitive and motivational foundations underlying acculturation expectations: Applications of ethnic group position model. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 19(1), 86–109. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-1-86-109>

- Grigoryev, D., & Berry, J.W. (2017). Acculturation preferences, ethnic and religious identification and the socio-economic adaptation of Russian-speaking immigrants in Belgium. *Journal of Intercultural Communication Research*, 46(6), 537–557. <https://doi.org/10.1080/17475759.2017.1386122>
- Grigoryev, D., & Berry, J.W. (2021). A taxonomy of intergroup ideologies. *Cultural-Historical Psychology*, 17(4), 7–15. <https://doi.org/10.17759/chp.2021170401>
- Grigoryev, D., & van de Vijver, F. (2018). Acculturation expectation profiles of Russian majority group members and their intergroup attitudes. *International Journal of Intercultural Relations*, 64(3), 90–99. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2018.03.001>
- Grigoryev, D., Fiske, S.T., & Batkhina, A. (2019). Mapping ethnic stereotypes and their antecedents in Russia: The Stereotype Content Model. *Frontiers in Psychology*, 10, 1–21. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.01643>
- Gritsenko, V.V., Khukhlaev, O.E., Zinurova, R.I., Konstantinov, V.V., Kulesh, E.V., Malyshev, I.V., Novikova, I.A., & Chernaya, A.V. (2021). Intercultural competence as a predictor of adaptation of foreign students. *Cultural-Historical Psychology*, 17(1), 103–112. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/chp.2021170114>
- Jassi, A., & Safdar, S. (2021). The inclusion of immigrants in Canada: An examination of social markers of acceptance. *Canadian Journal of Behavioural Science*, 53(4), 433–444. <https://doi.org/10.1037/cbs0000199>
- Komisarof, A., & Leong, C.H. (2020). Viewing intercultural adaptation and social inclusion through constructs of national identity: An introduction. *International Journal of Intercultural Relations*, 78, 1–9. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2020.06.001>
- Komisarof, A., Leong, C.H., & Teng, E. (2020). Constructing who can be Japanese: A study of social markers of acceptance in Japan. *Asian Journal of Social Psychology*, 23(2), 238–250. <https://doi.org/10.1111/ajsp.12396>
- Kuznetsov, I. (2017) The balance of interethnic attitudes as an indicator of state of interethnic relations. *Mir Rossii*, 26(1), 58–80. (In Russ.)
- Leong, C.H. (2014). Social markers of acculturation: A new research framework on intercultural adaptation. *International Journal of Intercultural Relations*, 38, 120–132. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2013.08.006>
- Leong, C.H., Komisarof, A., Dandy, J., Jasinskaja-Lahti, I., Safdar, S., Hanke, K., & Teng, E. (2020). What does it take to become “one of us?” Redefining ethnic-civic citizenship using markers of everyday nationhood. *International Journal of Intercultural Relations*, 78, 10–19. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2020.04.006>
- Malikova, N.R. (2014). Globalization as a factor in the adaptation of migrants. *Penza Psychological Bulletin*, (1), 113–124. (In Russ.)
- Montreuil, A., & Bourhis, R.Y. (2001). Majority acculturation orientations toward “valued” and “devalued” immigrants. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 32(6), 698–719. <https://doi.org/10.1177/0022022101032006004>
- Shamionov, R.M. (2020). The role of civic identity in the preferences of civil and political forms of social activity in Russian youth. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 17(3), 459–472. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-3-459-472>
- Smith, G., Law, V., Wilson, A., Bohr, A., & Allworth, E. (1998). *Nation-building in the post-Soviet borderlands: The politics of national identities*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511598876>
- Terry, D.J., Pelly, R.N., Lalonde, R.N., & Smith, J.R. (2006). Predictors of cultural adjustment: Intergroup status relations and boundary permeability. *Group Processes & Intergroup Relations*, 9(2), 249–264. <https://doi.org/10.1177/1368430206062080>
- Voronina, N.S. (2023). Attitude of Russians towards immigrants during the COVID-19 pandemic (2020–2021). *Sociologicheskaja Nauka i Social'naja Praktika*, 11(1), 104–123. (In Russ.) <https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.1.6>
- Zenker, O. (2011). Autochthony, ethnicity, indigeneity and nationalism: Time-honouring and state-oriented modes of rooting individual-territory-group triads in a globalizing world. *Critique of Anthropology*, 31(1), 63–81. <https://doi.org/10.1177/0308275X10393438>

Article history:

Received 15 September 2023

Revised 21 October 2023

Accepted 23 October 2023

For citation:

Grigoryev, D., Gallyamova, A., & Komyaginskaya, E. (2023). Becoming a member of the Russian nation: The content of national identity underlying the social markers of acceptance for immigrants in Russia. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 20(4), 675–696. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2023-20-4-675-696>

Author's contribution:

Dmitry Grigoryev – concept and design of the study, data collection and processing, statistical analysis, writing the text. *Albina Gallyamova* – project administration, writing the text. *Elizaveta Komyaginskaya* – checking results, writing and editing text.

Conflicts of interest:

The authors declare that there is no conflict of interest.

Bio notes:

Dmitry Grigoryev, PhD in Psychology, Research Fellow, Center for Sociocultural Research, HSE University (Moscow, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-4511-7942; SPIN-code: 1807-9739. E-mail: dgrigoryev@hse.ru

Albina Gallyamova, Research Intern, Center for Sociocultural Research, HSE University (Moscow, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-8775-7289; SPIN-code: 6639-2529. E-mail: aagallyamova@hse.ru

Elizaveta Komyaginskaya, Research Intern, Center for Sociocultural Research, HSE University (Moscow, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-8841-1722; SPIN-code: 4854-0374. E-mail: eshkomyaginskaya@edu.hse.ru